

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/19-30

Научная статья

© Е. П. Мартынова

ТРАНСФОРМАЦИИ ОБСКО-УГОРСКОГО ПОЛЯ: ОТ ТРАДИЦИОННОСТИ К СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ

Автор статьи на протяжении многих лет изучала обско-угорские народы и проводила полевые исследования среди хантов и манси. В работе предпринята попытка проанализировать изменения, которые произошли в обско-угорском поле и методах полевой работы в постсоветский период. В русле позитивистского подхода советские этнографы стремились погрузиться в культуру изучаемых народов, найти в поле уникальные и архаические особенности хозяйства, культуры, социальной организации, религиозных представлений хантов и манси. Поэтому длительное время обско-угорское поле было сельским, а работали этнографы преимущественно со стариками. В начале 1990-х годов этнология в целом, и полевая работа в частности, переориентировалась на отражение новых реалий социально-экономического развития аборигенов и политической активности этнических лидеров. Полевые материалы позволяли исследователям увидеть проблемы и нужды изучаемых сообществ, обсуждать их и предлагать возможные пути для дальнейшего развития. Поле расширило свои границы за счет включения в объекты исследования районных центров, городских пространств, офисов промышленных компаний, кабинетов руководителей. Выросла целая плеяда исследователей из представителей самих северных народов, для которых поле было «домашним», свои научные работы они основывали на взгляде «изнутри».

Ключевые слова: обские угры (ханты и манси), полевые исследования, информанты, традиционная культура, трансформации, прикладные исследования

Ссылка при цитировании: Мартынова Е. П. Трансформации обско-угорского поля: от традиционности к современным вызовам // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 19–30.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/19-30

Original Article

© *Elena Martynova*

TRANSFORMATIONS OF THE OB-UGRIC FIELD: FROM TRADITIONALISM TO CURRENT CHALLENGES

The author has studied the Ob-Ugrians peoples (Khanty and Mansi) for many years and has conducted field research among them. The article attempts to analyze the changes that have taken place in the Ob-Ugric field and approaches to fieldwork in the post-Soviet period. In line with the positivist approach Soviet ethnographers sought to immerse themselves in the culture of the peoples under study, to find in the field unique and archaic features of the economy, culture, social organization and religious representations of Khanty and Mansi. Therefore, for a long time the Ob-Ugric field was rural and ethnographers worked mainly with elderly people. In the early 1990s, ethnology as a whole and fieldwork in particular was reoriented towards reflecting new realities: the socio-economic development of indigenous people and the political activity of ethnic leaders. Fieldwork allowed researchers to see the problems and needs of the communities under study, to discuss them, and to suggest possible ways for further development. The field expanded to include neighborhood centers, urban spaces, industrial company offices, and executive offices. A whole pleiad of researchers grew up from the Northern peoples themselves, for whom the field was “domestic” and who based their work on an “insider’s view”.

Keywords: *Ob Ugrians (Khanty and Mansi), field research, informants, traditional culture, transformation, applied research*

Author Info: **Martynova, Elena P.** — Dr. of History, Professor, Chair of the History and Archeology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: ep_martynova@mail.ru ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1132-2286>

For citation: Martynova, E. P. 2023. Transformations of the Ob-Ugric Field: From Traditionalism to Current Challenges. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 19–30.

Введение

Вряд ли кто будет оспаривать утверждение, что специфика этнологии (социально-культурной антропологии) как науки связана с полевыми исследованиями. На полевой работе базируются и антропологические знания, и опыт антрополога (*Stocking* 1992: 282). Именно в процессе экспедиций этнолог добывает сведения, которые служат основой для интерпретаций и анализа. Вопросы, связанные с полевой работой антропологов, неоднократно обсуждались на страницах специальных изданий. Более двух десятков специалистов дискутировали об этических проблемах полевых исследований, в частности говорили о сложностях и проблемах при проведении полевой работы и публикации результатов на страницах журнала «Антропологи-

ческий форум» (Форум 2006: 6–166). В журнале «Этнографическое обозрение» проходили дебаты об особенностях «своего» и «чужого» поля, о получении информации в сфере сакральных знаний («Свой» этнограф 2010: 3–65). Антропологи обменивались мнениями о проблемах, возникающих при переходе от полевой работы к созданию научного текста (Форум 2018: 11–114). Объектом исследования стали профессиональные традиции полевиков (*Щепанская* 2003: 165–179). Фундаментальный анализ концепции «поле», методологии работы в нем, переосмысления стратегии полевых исследований проведен А. Гуптой и Д. Фергюсоном (*Гупта, Фергюсон* 2013: 3–44).

Особенностью отечественной этнологии (социально-культурной антропологии) была и во многом остается специализация исследователя на изучении какого-либо народа (группы народов), т. е. определенного культурного ареала. Автор данной статьи на протяжении многих лет изучала обско-угорские народы (хантов и манси) и проводила полевые исследования на территории Северного Приобья. Попытаемся проанализировать изменения, которые происходили в полевой работе этнолога (антрополога) среди обских угров в постсоветский период.

Традиционный идеал поля

В поздний советский период в обско-угорском поле работали такие выдающиеся исследователи как З. П. Соколова, Н. В. Лукина, В. М. Кулемзин. Все трое были полевыми и не представляли, как можно получать информацию о хозяйстве, культуре, религиозных представлениях, социальном устройстве хантов и манси без экспедиций. Зоя Петровна Соколова с 1956 по 1989 г. совершила 13 экспедиционных поездок на Обский Север. Она работала среди казымских, нижнеобских, сынских, куноватских, аганских, юганских, ваховских, среднеобских хантов, сосьвинских манси (*Соколова* 2017: 77–78). Полевые исследования Надежды Васильевны Лукиной продолжались с 1969 по 1990 г. Маршруты ее 20 экспедиций охватили бассейн Оби от верховьев до Полярного Урала. Но больше всего она работала среди восточной группы хантов (по Средней Оби и притокам — Васюгану, Ваху, Югану, Агану, Тромъегану, Пиму) (*Лукина* 2017: 98–99). За плечами Владислава Михайловича Кулемзина 19 этнографических экспедиций к хантам, проходивших в 1960–1980-х гг. и охвативших территорию по рекам Вах, Васюган, Пим, Тром-еган, Аган, Казым (*Зиновьев, Литвинов* 2021: 189). Особо стоит отметить, что одна из совместных экспедиций Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзина к хантам р. Вах в 1969–1970 гг. была, по советским меркам, беспрецедентной по продолжительности пребывания в поле — стационарная работа продолжалась семь зимних месяцев. В конце 1970-х–1980-е гг. ханты и манси подверглись массивному изучению специалистами из разных научных центров — Москвы, Ленинграда, Тобольска, Томска, Новосибирска. Полевые исследования среди разных групп обских угров проводили А. В. Головнев, А. И. Пика, И. Н. Гемуев, Е. Г. Федорова, Е. П. Мартынова, Н. И. Новикова, О. М. Рындина, А. В. Бауло, Е. А. Пивнева, Е. В. Перевалова, Е. М. Главацая, В. И. Сподина, В. А. Адаев и др. Специалисты на протяжении ряда лет совершали выезды к изучаемым народам, за счет чего достигалась длительность полевой работы. То, что было получено в поле, считалось приоритетным по отношению к другим источникам, ценность полевых материалов не ставилась под сомнение.

Что же собой представляло обско-угорское поле в 1970–1980-е гг.? Прежде всего, отмечу, что под полем понималась исключительно сельская местность. Это объяснялось тем, что исследования советских этнографов были нацелены на изучение традиционной культуры, которая воспринималась как существовавшая в конце XIX — начале XX вв. этнографическая норма (Тишков 2003: 30). По умолчанию считалось, что некий этнографический идеал культуры сохранился только на селе, поэтому «поехать в экспедицию» означало отправиться в путешествие по деревням. Поселки и города воспринимались исключительно как пересадочные пункты. Предполагалось, что в них утвердился общесоветский стиль жизни, не представлявший этнографического интереса. Т. е. никакой самобытной обско-угорской культуры в городах нет, ее можно посмотреть разве что в краеведческом или школьном музее.

Сельские районы Обского Севера не были одинаково притягательными для полевых исследований. Несмотря на кампании укрупнения поселений, в тайге уцелели небольшие деревни и стойбища. В них говорили на родном языке (были живы старики, не говорившие по-русски), представители среднего и старшего поколений носили национальную одежду, сохранялись многие элементы традиционной культуры: различные типы жилищ и хозяйственных построек, погребальный обряд, святилища и т. п. В крупных поселках, центрах сельских советов, доминировали социалистические стандарты жизни: типовые «колхозные» или «совхозные» дома, покупные одежда, утварь. Но даже в таких селениях можно было найти стариков, знавших родной язык, соблюдавших обычаи, помнивших легенды и сказки. Например, почти во всех хантыйских и мансийских семьях имелся «священный угол» с изображениями домашних духов-покровителей. Во время экспедиций этнографы, во что бы то ни стало, стремились попасть в «глубинку», найти островки «настоящей» хантыйской или мансийской жизни, чтобы как можно полнее окупиться в изучаемую культуру.

Основными методами работы в этнографической экспедиции были наблюдение и опрос (интервью). Практиковался также метод включенного наблюдения или соучастия в жизни изучаемого сообщества. В. М. Кулемзин рассказывал, что он ходил на охоту и рыбалку вместе с информантами, полагая, что участие в таких повседневных делах позволяет снять барьеры в общении с информантами, лучше понять другую культуру. А. И. Пика в одном из этнографических «полей» на р. Северная Сосьва устроился на работу в рыболовецкую бригаду. Женщины-этнографы всегда принимали посильное участие в домашних работах.

В категорию «информанты» попадали далеко не все представители коренных народов. Их отбор начинался в сельском совете, где исследователи знакомились с хозяйственными книгами, на основании которых составлялся список потенциальных респондентов. Установка на изучение традиционной культуры предопределяла попадание в него стариков. Представители среднего возраста расценивались как меньшие знатоки «истинной» культуры и поэтому к ним шли во вторую очередь. Молодежь, по большей части, вообще не воспринимали как информантов. Ей, в случае необходимости, отводили роль переводчиков или проводников. Даже если молодые люди проявляли осведомленность в знании традиций, информация перепроверялась у представителей старшего поколения. Помню, в те годы я была убеждена, что чем старше информант, тем более ценные сведения он сообщает.

Другим значимым показателем для выбора респондентов, была их занятость в традиционных отраслях. Вышедшие на пенсию бывшие сторожа, кочегары, уборщицы

не котировались. Предпочтительнее было работать с бывшими рыбаками и охотниками, а еще лучше — с оленеводами. Представители сельской этнической интеллигенции (учителя, клубные работники) привлекались как эксперты. С ними можно было обсудить ситуацию в поселке, современное состояние культуры, религиозных верований. При этом возникало опасение, что они могли прочесть о хантыйских и мансийских традициях в книгах, а потом поделиться такой информацией, которая уже не исходила из «глубин народной памяти». В моей практике такое случалось. В некоторых семьях мне довелось видеть на книжных полках монографию З. П. Соколовой «Путешествие в Югру», которую хозяева охотно показывали и готовы были пересказать ее содержание. Для них книжная информация, безусловно, была более ценной, чем рассказы живущих по соседству бабушек и дедушек. Отсюда и еще одно желание этнографов — получать информацию от не говорящих по-русски стариков. Знающие родной язык информанты были предпочтительнее русскоговорящих.

В поле ученые стремились найти как можно больше остатков традиционности и даже архаики. В ходе расспросов информантов присутствовало стремление, иногда подспудное, иногда направленное, найти «изначальные» формы хантыйской и мансийской культуры. З. П. Соколова в своих воспоминаниях о полевой работе упомянула, что в экспедициях она открывала что-то новое, делала «какие-то маленькие открытия». Этим «новым» были «очень древние способы приготовления пищи» на Вахе, варианты построек, описанные У. Т. Сирелиусом в начале XX в. «Открытиями» среди сынских и куноватских хантов были традиционные черты погребального обряда: могилы-кенотафы, изображения умерших иттарма и ура (Соколова 2017: 80).

Этнографы, конечно же, осознавали, что социалистические преобразования многое изменили в хозяйстве, культуре, социальных связях, мировоззрении обско-угорских народов. Однако, присутствовало стремление «отсечь» все современное, оставить «чистую» культуру. Типологии жилища, одежды разрабатывались, в том числе, с целью, выяснить, какой из типов изначальный. Обнаружение древних черт в культуре, архаичных установок на регулирование брачных связей подчеркивало уникальность хантов и манси. Помню, что во время одной из экспедиций в Березовский район мы с Е. Г. Федоровой обсуждали вопрос о степени сохранности традиционной культуры у сибирских народов и единодушно пришли к заключению, что обские угры сохранили ее гораздо лучше. Это мнение еще более повысило в наших глазах ценность уникальных полевых материалов. Кстати, в исследованиях последних лет отражается такое же мнение: «Эти народы сохранили свою самобытность, много архаичных элементов, позволяющих пролить свет на истоки общечеловеческой культуры с выходом на понимание проблем генезиса многих ее явлений» (Волдина 2020: 4).

Важными проблемами, подлежащими рассмотрению, были этногенез и этническая история, поэтому записывались исторические предания, легенды. Распространенным исследовательским приемом был метод исторической ретроспекции, предполагающий «погружение» в архаические пласты сознания и культуры. Еще одной особенностью полевой работы этнографов среди обских угров был широкий территориальный охват. Исследователи стремились совершить экспедиции к разным группам этих народов. Думаю, что во многом это связано с тем, что локальные особенности в их культуре были весьма существенными, сравнительный материал позволял приблизиться к решению многих вопросов культурогенеза.

Все же нельзя говорить о том, что угроведов в поле интересовала исключительно традиционность. Изучению современного (на тот период) социально-культурного состояния коренных народов также уделялось внимание. Во время экспедиций собирали материалы о хозяйственных занятиях, новациях в быту, особо выделялись вопросы образования, медицинского обслуживания, досуга. Отчеты по такой тематике оформлялись в форме докладных записок и направлялись в отдел экономического и социального развития малых народностей Севера и Арктики при Совете Министров РСФСР (Соколова 2017: 79, 81). При этом позиция большинства этнографов сводилась к тому, что жизнь при социализме у всех народов очень похожа, не является уникальной и поэтому мало интересна для изучения. Вместе с тем во время экспедиций нельзя было не заметить определенные социальные проблемы, характерные для коренных народов: более низкий уровень образования, занятость на низкооплачиваемых и непрестижных должностях, склонность к алкоголизму. Именно о них они писали в докладных записках, говорили в кабинетах власти. При этом преобладало мнение, что единственным решением проблем Севера является сохранение и поддержка здоровых аспектов традиционной жизни (Слезкин 2008: 394).

Разворот к современности и прикладное поле

Начавшаяся в 1986–1988 гг. перестройка повлекла серьезные изменения в общественных и гуманитарных науках, в том числе и в этнографии, которая сменила название на этнологию в начале 1990-х. Традиционное «идеальное» поле изменилось, причем довольно резко. Этнографы громко заговорили о проблемах в жизни народов Севера, в том числе хантов и манси. В демографической сфере это было сокращение продолжительности жизни за счет социальных неурядиц, пьянства, насильственных смертей, что нарушало естественную сменяемость поколений, их взаимодействие и, как следствие, внутриэтническую консолидированность (Симченко 1998: 9). Негативные процессы обнаружили в сфере традиционных отраслей хозяйства. В оленеводстве — разрыв передачи навыков младшим поколениям в связи с интернатской системой образования. Кризис аборигенной охоты был вызван сселением в поселки и занижением закупочных цен на пушнину со стороны государства-монополиста. Этнологи писали об отходе коренных жителей от традиционных отраслей хозяйства, о политике патернализма, породившей иждивенчество. «В советское время для „выравнивания“ социального и культурного уровня населения предпринимались большие усилия и тратились значительные средства. Результатом стало практическое содержание за государственный счет, как самих северян, так и их экономики» (Симченко 1998: 12).

Полевая работа проходила под лейтмотивом помощи изучаемым народам. Наблюдая за жизнью в так называемых «национальных поселках» и в маленьких деревнях, этнологи видели удручающее состояние традиционного хозяйства, галолирующую безработицу, маргинализацию людей разных возрастных групп, поэтому били тревогу. В эпоху гласности о проблемах писали не в докладных записках для служебного пользования, а публиковали статьи в газетах, общественно-политических журналах, сборниках статей. Фокус исследований этнологов сместился в сторону современных проблем и нужд коренных жителей округа. В экспедициях начали интересоваться не столько их прошлым состоянием, сколько перспективами развития. Начались

дискуссии о традиционализме и модернизации. При этом для многих ученых сохранение самобытного образа жизни аборигенов было предпочтительнее этнической ассимиляции. Был поставлен вопрос о признании за коренными народами суверенных прав на землю и ресурсы. Ученые участвовали в разработках всевозможных программ развития, проектов биосферных резерватов, этнических заповедников, парков (Головнев 1992; Балалаева, Уигет 1998).

В связи с таким разворотом в общественном и научном дискурсах изменилась география этнологического поля. Ученых привлекали не экзотические места, а зоны политической активности, поселки — центры сельских советов. Площадками полевых исследований стали собрания в клубах и школах, а политики и хозяйственники из представителей хантов, манси, главы родовых общин часто оказывались в роли информантов. Их список «омолодился», т. к. ученые проявляли интерес не только к прошлой, но и к современной жизни. Стоит обратить внимание и на то, что обско-угорское поле стало международным, в нем начали работать венгры, финны, эстонцы и др.

Этнологи сосредоточили свои исследования на анализе современных проблем. В культуре их стала интересовать не традиционность или самобытность, а ее функционирование в новых условиях. Стремительные изменения, произошедшие в разных сферах жизнедеятельности хантов и манси, поставили перед исследователями риторический вопрос: Кто такой настоящий хант (манси)? Актуальность вопроса была обусловлена тем, что среди обских угров (как и среди других малочисленных народов Севера) существовало разделение на городских, поселковых и стойбищных (таежных). Эти группы различались не только по месту проживания, но и по степени сохранности самобытной культуры, приверженности традициям, ценностным ориентациям. Поле показывало, что традиции изменялись, более того, можно было увидеть, как на глазах рождаются новые. Е. В. Перевалова привела примеры изобретений, увиденных на хантыйских стойбищах: «гараж» для снегохода, площадки для мобильной связи, гигиенические прокладки в качестве стелек для меховой обуви, гель «Амвей» для обработки шкур и т. п. (Перевалова 2012: 121).

Самостоятельным направлением исследований, в том числе и в поле, стали городские аборигены. Внимание к ним обусловлено, прежде всего, ростом урбанизированности хантов и манси (среди манси доля горожан составляет две трети, среди хантов — более половины). Пионером в изучении горожан, представителей обских угров, стала Е. А. Пивнева. Ее полевые исследования сфокусированы на анализе этнических традиций, трансформации этничности в городской среде (Пивнева 2017, 2021).

На полевых материалах и полевом опыте основывалась разработка рекомендаций органам власти, которые оказались востребованными для разработки специального законодательства по народам Севера. В Ханты-Мансийском автономном округе это, прежде всего, «Положение о статусе родовых угодий», а на федеральном уровне — закон «Основы правового статуса коренных народов Севера России» (Соколова, Новикова, Ссорин-Чайков 1995).

Масштабная нефтедобыча, развернувшаяся в Ханты-Мансийском автономном округе, нанесла серьезный ущерб экологии и традиционным моделям землепользования коренных народов. Строительство трубопроводов, дорог, нефтяных вышек приводило к отторжению территорий, на которых велась традиционная хозяйствен-

ная деятельность, загрязняло окружающую среду. Подобные проблемы не только стали предметом исследований, но и изменили концепцию полевой работы. Информантами оказались не только представители коренного населения, но и работники нефтяных компаний, местных администраций, общественные деятели. Углубленные интервью антропологам давали представители районных властей, политики. Местами полевой работы стали «коридоры власти», залы заседаний, офисы нефтегазовых компаний. После экспедиций ученые обсуждали вопросы управления и соуправления биоресурсами, оптимизации отношений между коренными народами и предприятиями нефтегазового комплекса. Этнологические экспертизы стали заметным явлением в исследованиях по северным народам. При проведении экспертизы основным источником информации являются полевые материалы, которые собираются в ходе проведения экспертных интервью с представителями заинтересованных сторон (Новикова 2021: 49). Помимо этого, тщательному анализу подвергаются документы компаний, органов власти, публикации в местных СМИ. В последние годы актуальным стал вопрос о взаимодействии в ходе экспертизы ученых и информантов (См. статью Новиковой Н. И. в настоящем номере). Экспертная работа предполагает, что антрополог, приехав в поле, выступает как посредник между местным населением и органами власти, а сама экспертиза служит своего рода катализатором общественной активности на местах.

Этнологи занялись изучением политических практик представителей этнической интеллигенции обско-угорских народов. Их лидеры отвечали на вызовы современности разными этнокрашенными стратегиями, выступив с персональными и групповыми креативными инициативами и проектами в сферах политики, экономики, религии и ритуалов (Первалова 2018, 2019). Такой исследовательский поворот свидетельствует о неортодоксальных подходах не только к тематике, но и к практикам полевой работы. Для этого используются разнообразные методы — интервью, анкетирование, включенное наблюдение, кибер-мониторинг (Головнев и др. 2016: 142).

В начале 1990-х гг. произошло важное событие в обско-угорской этнологии — в Ханты-Мансийске и Салехарде были открыты научные центры, в которых стали работать представители коренных народов¹. Инициатива исходила от Надежды Васильевны Лукиной, искавшей с середины 1980-х гг. среди коренных народов представителей этнической интеллигенции, которые хотели и могли заниматься этнографическим изучением своего народа (Лукина 2018: 318–319). В изучение хантов и манси активно включились Т. А. Молданова, Т. А. Молданов, С. А. Попова, М. А. Лапина, Т. В. Волдина, Р. К. Бардина, А. М. Сязи, Н. М. Талигина, З. И. Рандымова. Приведенный перечень имен показывает, что обско-угорская «домашняя» этнология оказалась преимущественно женской. Особенностью экспедиций было то, что маршруты предполагали посещение родных мест исследователей, взятие интервью у родственников. Спецификой работы этой плеяды угроведов было знание обско-угорских языков и погруженность в культуру, т. к. ученые воспитывались в культурных традициях своих народов. Многие наблюдения были получены в детстве. Исследовательские темы, построенные на этнологии «изнутри», были разными, но, все же, преимущественно сосредотачивались на изучении сакральной сферы, мифологии и обрядов.

¹ В Салехарде в 1991 г. была открыта Лаборатория этнографии и этнолингвистики, в Ханты-Мансийске в 1992 г. — Научно-исследовательский институт возрождения обско-угорских народов.

Выводы

Традиции полевой работы среди обско-угорских народов претерпели изменения. Длительное время в исследованиях этнографов-угроведов доминировал позитивистский подход — погружение в культуру, фиксация увиденного, а потом кабинетное осмысление полученных материалов. Поэтому они делали ставку на поиск в поле уникальных и архаических особенностей хозяйства, культуры, социальной организации, религиозных представлений хантов и манси. Идеальными информантами считались представители старшего поколения, носители традиционности и родных языков, живущие в таежной глубинке. Ситуация существенно изменилась в начале 1990-х годов, полевая работа трансформировалась. Она переориентировалась на отражение новых реалий: социально-экономических проблем аборигенов, политической активности этнических лидеров. Антропологи все чаще выступают в роли посредников между коренным населением и представителями власти. Поле расширило границы за счет включения в объекты исследования городских пространств, офисов промышленных компаний. Несмотря на все перипетии, этнограф (он же антрополог) всегда стремится найти и зафиксировать в поле характерные для того или иного сообщества характеристики, способствующее более полному пониманию не только культуры, но и жизни людей, их взаимосвязей в современном глобальном мире.

Научная литература

- Балалаева О. Э., Уигет Э. Биосферный резерват как форма сохранения этнической культуры (на примере юганских хантов). Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 118. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. 20 с.
- Волдина Т. В. О проблемах сбора полевых материалов по традиционной культуре и фольклору обских угров в Югре и на сопредельных территориях в начале XXI века // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. № 1 (106). С. 4–8. <https://doi.org/10.26110/ARCTIC.2020.106.1.001>
- Головнев А. В. (отв. ред.) Северная Сосьва (Исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск: ПО «Исеть», 1992. 75 с.
- Головнев А. В., Первалова Е. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Этнопроект или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 142–148.
- Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3–44.
- Зиновьев В. П., Литвинов А. В. Владислав Кулемзин — этнограф божьей милостью // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 73. С. 189–193. <https://doi.org/10.17323/19988613/73/26>
- Лукина Н. В. Жизнь и наука // Обские угры: единство и разнообразие культуры: Материалы дистанционной научно-практической конференции «XVI Югорские чтения». Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2018. С. 309–323.
- Лукина Н. В. Поле как путь // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 97–109.
- Новикова Н. И. Полевые исследования и этнологическая экспертиза: особенности работы со стейкхолдерами в России и Норвегии // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии. Сборник трудов международной научной конференции. Омск, 2021. С. 48–53.

- Перевалова Е. В. Проблемы угроведения и современные тенденции развития традиционных культур // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (73). С. 120–126.
- Перевалова Е. В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 553 с.
- Перевалова Е. В. Этнополитические стратегии и этнокультурные проекты ненецкой элиты Ямала и Югры // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 1(22). С. 78–87. <https://doi.org/10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.010>
- Пивнева Е. А. Северный город как этнографическое поле: поиск новых измерений // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 225–238.
- Пивнева Е. А. Город как вызов и возможность: вариативность адаптационных стратегий народов Севера России в условиях урбанизации // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 298–304.
- «Свой» этнограф в российском сакральном «поле» // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–65.
- Симченко Ю. Б. Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998. № 112. 26 с.
- Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Соколова З. П. Опыт моих полевых исследований, обработки и публикации полевых материалов (1956–2016 гг.) // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 77–96.
- Соколова З. П., Новикова Н. И., Ссорин-Чайков Н. В. Этнографы пишут закон: контекст и проблемы // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 74–86.
- Тихов В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Форум: От поля к тексту // Антропологический форум. 2018. № 36. С. 11–114.
- Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.
- Щепанская Т. Б. Полевик: фигура и деятельность этнографа в экспедиционном фольклоре (опыты автоэтнографии) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 165–179.
- Stocking G. W., Jr. The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology. Madison: University of Wisconsin Press, 1992. 440 p.

References

- Balalaeva, O. E. and A. Wiget. 1998. Biosfernyi rezervat kak forma sokhraneniia etnicheskoi kul'tury (na primere iuganskikh khantov) [Biosphere Reserve as a Form of Ethnic Culture Preservation (Case Study of Yugan Khanty)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 118. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 20 p.
- Forum: Eticheskie problemy polevykh issledovaniï [Forum: Ethical Issues in Field Research]. 2006. *Antropologicheskii forum* 5: 6–166.
- Forum: Ot polia k tekstu [Forum: From Field to Text]. 2018. *Antropologicheskii forum* 36: 11–114.
- Golovnev, A. V. (ed.). 1992. *Severnaia Sos'va (Istoricheskie i sovremennye problemy razvitiia korennoogo naseleniia)* [Northern Sosva (Historical and Contemporary Issues of Indigenous Development)]. Shadrinsk: PO "Iset". 75 p.
- Golovnev, A. V., E. V. Perevalova, S. Yu. Belorussova and T. S. Kisser. 2016. Etnoproekt ili personalizatsiia etnichnosti (po materialam Ural'skoi EtnoEkspeditsii) [The Ethnoproject or Personal-

- ization of Ethnicity (based on the Ural EthnoExpedition). *Ural'skii istoricheskii vestnik* 4 (53): 142–148. [http://uralhist.uran.ru/en/pdf/UIV_4\(53\)_2016_Golovnev.pdf](http://uralhist.uran.ru/en/pdf/UIV_4(53)_2016_Golovnev.pdf)
- Gupta, A. and J. Ferguson. 2013. Distsiplina i praktika: “pole” kak mesto, metod i lokal’nost’ v antropologii [Discipline and Practice: “Field” as Place, Method, and Locality in Anthropology]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 3–44.
- Lukina, N. V. 2017. Pole kak put’ [The field as a path]. In *Pole kak zhizn’: K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [The Field as a Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology], ed. by E. A. Pivneva. Moscow — Saint Petersburg: Nestor-Istoriia. 97–109.
- Lukina, N. V. 2018. Zhizn’ i nauka [Life and Science]. In *Obskie ugry: edinstvo i raznoobrazie kul'tury: Materialy distantsionnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “XVI Iugorskie chteniia”* [Ob Ugri: Unity and Diversity of Culture: Proceedings of the XVI Yugra Readings Remote Scientific and Practical Conference]. Khanty-Mansiisk: OOO “Pechatnyi mir”. 309–323.
- Novikova, N. I. 2021. Polevye issledovaniia i etnologicheskaia ekspertiza: osobennosti raboty so steikkholderami v Rossii i Norvegii [Field research and ethnological expertise: peculiarities of working with stakeholders in Russia and Norway]. In *Kul'tura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh — vazhneishie faktory stabil'nogo razvitiia stran Evrazii*. Sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Culture and Interaction of Peoples in Museum, Scientific and Educational Processes — Major Factors of Stable Development of Eurasian Countries. Proceedings of the International Scientific Conference]. Omsk: Nauka. 48–53.
- Perevalova, E. V. 2012. Problemy ugrovedeniia i sovremennye tendentsii razvitiia traditsionnykh kul'tur [Problems of Ugric Studies and Modern Trends in Traditional Cultures]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 4 (73): 120–126. [http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4\(37\)_2012_Perevalova.pdf](http://uralhist.uran.ru/pdf/UIV_4(37)_2012_Perevalova.pdf)
- Perevalova, E. V. 2018. Etnopoliticheskie strategii i etnokul'turnye proekty nenetskoii elity Iamala i Iugry [Ethno-political Strategies and Ethno-cultural Projects of the Nenets elite of Yamal and Yugra]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 1 (22): 78–87. <https://doi.org/10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.010>
- Perevalova, E. V. 2019. *Obskie ugry i nentsy Zapadnoi Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: Ethnicity and Power]. Saint-Petersburg: MAE RAN. 553 p.
- Pivneva, E. A. 2017. Severnyi gorod kak etnograficheskoe pole: poisk novykh izmerenii [The Northern City as an Ethnographic Field: The Search for New Dimensions]. In *Pole kak zhizn’: K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [The Field as a Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology], ed. by E. A. Pivneva. Moscow — St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 225–238.
- Pivneva, E. A. 2021. Gorod kak vyzov i vozmozhnost’: variativnost’ adaptatsionnykh strategii narodov Severa Rossii v usloviakh urbanizatsii [The City as Challenge and Opportunity: Varying Adaptation Strategies of the Peoples of the Russian North under Conditions of Urbanization]. In *“Vyzov” v povsednevnoi zhizni naseleniia Rossii: istoriia i sovremennost’*. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [“Challenge” in the everyday life of the Russian population: history and modernity. Proceedings of an international scientific conference]. Saint-Petersburg: Leningradskiy Godudarstvennyi Universitet imeni A. S. Pushkina. 298–304.
- Shchepanskaya, T. B. 2003. Polevik: figura i deiatel’nost’ etnografa v ekspeditsionnom fol’klore (opyty avtoetnografii) [The Fieldman: The Figure and Activity of the Ethnographer in Expeditionary Folklore (Experiments in Autoethnography)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* VI (2): 165–179.
- Simchenko, Yu. B. 1998. Narody Severa Rossii. Problemy. Prognoz. Rekomendatsii. [Peoples of the North of Russia. Problems. Forecast. Recommendations.]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 112. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN. 26 p.
- Slezkin, Yu. 2008. *Arkticheskie zerkala: Rossiia i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

- Sokolova, Z. P. 2017. Opyt moikh polevykh issledovaniy, obrabotki i publikatsii polevykh materialov (1956–2016 gg.) [Experience of my Field Research, Processing and Publication of Field Materials (1956–2016)]. In *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN* [The Field as a Life: On the 60th Anniversary of the Northern Expedition of the Russian Academy of Sciences Institute of Ethnology and Anthropology], ed. by E. A. Pivneva. Moscow — St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 77–96.
- Sokolova, Z. P., N. I. Novikova and N. V. Ssorin-Chaikov. 1995. Etnografy pishut zakon: kontekst i problemy [Ethnographers Write the Law: Context and Issues]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 74–86.
- Stocking, G. W. 1992. *The Ethnographer's Magic and Other Essays in the History of Anthropology*. Madison: University of Wisconsin Press. 440 p.
- “Svoi” etnograf v rossiiskom sakral'nom “pole” [“The „Own“ Ethnographer in the Russian Sacred „Field“”]. 2010. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 3–65.
- Tishkov, V. A. 2003. *Rekviem po etnosu. Issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnicity. Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka. 544 p.
- Voldina, T. V. 2020. O problemakh sbara polevykh materialov po traditsionnoi kul'ture i fol'kloru obskikh ugrov v Iugre i na sopredel'nykh territoriiakh v nachale XXI veka [About the Problems of Collecting of Field Materials on Traditional Culture and Folklore of the Ob Ugrians in Yugra and in Adjacent Territories at the Beginning of the XXI Century]. *Nauchnyi vestnik Iamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* 1 (106): 4–8. <https://doi.org/10.26110/ARC-TIC.2020.106.1.001>
- Zinov'ev, V. P. and A. V. Litvinov. 2021. Vladislav Kulemzin — etnograf bozh'ei milost'iu [Vladislav Kulemzin — Ethnographer by the Grace of God]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* 73: 189–193. <https://doi.org/10.17323/19988613/73/26>